Е.А. Воинова, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры периодической печати факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: ek.voinova@gmail.com

Л.Л. Реснянская, кандидат филологических наук, доцент кафедры периодической печати факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: resmila@mail.ru

Е.В. Сивякова, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры периодической печати факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: e.sivyakova@gmail.com

М.А. Портнягина, аспирантка кафедры периодической печати факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: mportnyagina@yandex.ru

МАНЕЖНАЯ ПЛОЩАДЬ, ДЕКАБРЬ 2010: РАСШИФРОВАТЬ РЕАЛЬНОСТЬ (СМИ И ПРОБЛЕМАТИКА КОНФЛИКТА)

В статье рассматривается освещение в российских газетах и журналах событий на Манежной площади 11 декабря 2010 года, связанных с активным участием представителей молодежи в массовых акциях протеста. Представлены результаты контент-анализа публикаций с тематикой конфликта в печатных СМИ. Также представлена экспертная оценка событий специалистами в области социологии, политологии, юриспруденции и массовой коммуникации.

Ключевые слова: *печатные СМИ, конфликт, новое поколение, политическое участие.*

The article is dedicated to the mass media coverage of the protest action (*Moscow, Manezhnaya Square, December 2010*). *The action is examined as a presentation of young generation protest activity. The article also contains the results of content analysis made on journalistic texts in print media covering the* "*Manezhnaya conflict*". *Expert review of* "*Manezhnaya case*" *is presented as well: the opinions of a social scientist, a lawyer, a political scientist and mass communication specialists are included.*

Key words: *print media, conflict, new generation, political participation.*

Печатную прессу, претендующую на общественное внимание и влияние, отнюдь не метафорически называют «черновиками истории», подчеркивая ее документальность. Выполнение прессой общественной миссии видеть и выделять самые значимые факты, сохранять их для осмысления сути развивающихся социально-политических процессов невозможно без профессионального умения журналистов публично ставить смысловые вопросы. В частности, один из основных: «Что дальше?».

В сложном пространственном рисунке картины исторически важных событий 2010 г. «Манежная площадь» представляется местом, где обозначился конфликт по своему содержанию новый для так

называемого «десятилетия стабильности». Новый прежде всего по характеру участвующих в нем социальных сил. Их мотивации — политические, мировоззренческие, социальные — не решились однозначно толковать современные российские СМИ, как правило, скорые на версии, интерпретации и вынесение диагноза. В этот раз в «черновиках истории» заметны достаточно редко случающееся стремление к рефлексии и попытка задать правильный вопрос: «ЧТО ДАЛЬШЕ?», провоцирующий обсуждение. Движение к открытому для всех сторон размышлению потребовало соблюдения принципа отделения факта от комментария. Журналисты устанавливали многослойность события и добывали факты, аналитики, привлекая свою оптику, «послойно» рассматривали событие и находили причинно-следственные связи. Авторы предлагаемой статьи, опираясь на проведенное исследование поведения печатной прессы в период конфликта и отношения к нему СМИ и материалы круглого стола с экспертами, также следовали логике отделения факта от комментария. В данном случае в дискурсе о ставшем резонансным конфликте предъявляются факты разной природы — медиатексты с тематикой реального конфликта и результаты их исследования. Комментируют действия СМИ и суть события эксперты[1].

Нерасшифрованная реальность

Освещение событий на Манежной площади находилось в зоне внимания российских газет и журналов[2]. **Объем внимания** к этим событиям в газетах был примерно одинаковым (см. рис. 1). Повышенным интересом к беспорядкам, поводом для которых послужили неправомерные действия правоохранительных органов, отличаются критично настроенные к власти «Новая газета» и «The New Times». «Новая газета», выходящая три раза в неделю, по количеству материалов, посвященных столкновениям, близка ежедневным изданиям «Комсомольская правда» и «Российская газета». Общественно-политический еженедельник «The New Times» опередил по этому показателю аналитические журналы «Эксперт» и «Коммерсантъ-Власть».

[1] Исследование проведено на кафедре периодической печати факультета журналистики МГУ по методике М.А. Портнягиной. Круглый стол «Станет ли “непонятное” поколение народом?» состоялся 9 февраля 2011 г. в рамках Международной научно-практической конференции «Журналистика в 2010 году. СМИ в публичной сфере».

[2] В ходе исследования анализировались материалы 8 газет и 5 журналов с тематикой конфликта на Манежной площади в Москве за период с 11 декабря 2010 г. по 24 января 2011 г. Всего 306 публикаций.

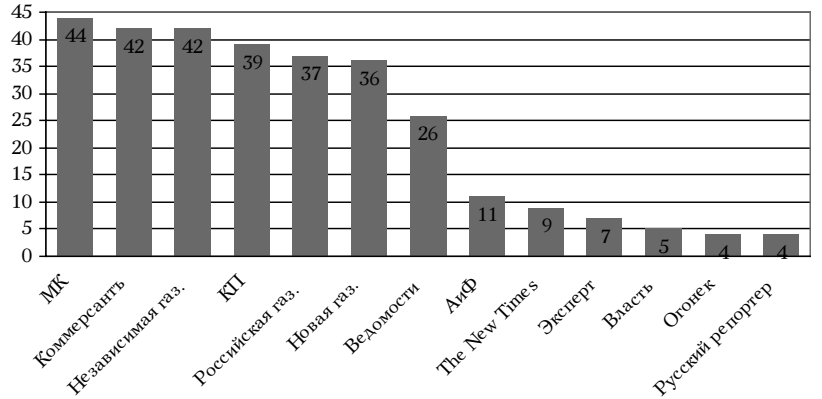

Рис. 1. Объем внимания к конфликту (по количеству материалов)

Динамика освещения беспорядков показывает падение интереса к ним со стороны изданий (см. рис. 2). Каждую неделю по сравнению с предыдущей количество материалов по теме конфликта на Манежной площади уменьшалось в среднем на 29%. Самое резкое падение (на 62%) пришлось на 27—30 декабря 2010 г. — канун новогодних каникул. С возобновлением выпуска изданий уже в 2011 г. падение оказалось меньшим и составило 24%, что связано с публикацией значительного количества материалов, посвященных подведению итогов прошедшего года и прогнозу на новый год, в которых столкновения часто только упоминались.

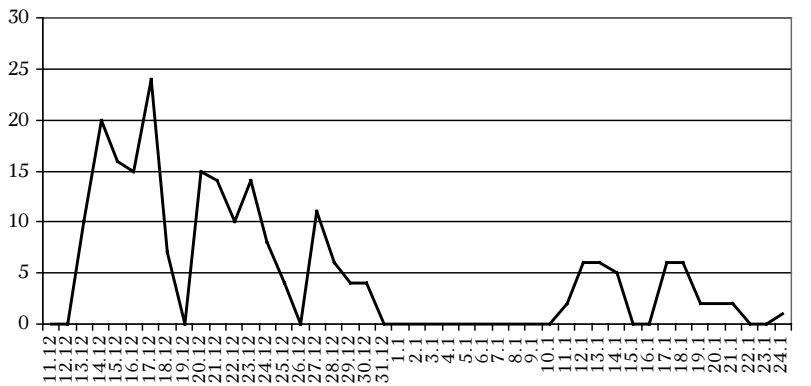

Рис. 2. Динамика освещения конфликта в ежедневных газетах (по количеству материалов в день)

Издания давали событиям на Манежной площади различные **определения**, называя их массовыми беспорядками, столкновениями на национальной почве, акцией протеста против беззакония, провокацией (см. рис. 3). Наиболее распространенными характеристиками стали «беспорядки» и «межнациональные столкновения»: они встречались соответственно в 62 и 60% публикаций. Освещение событий как протестной акции (представлено в 24% материалов) чаще велось в качественных изданиях «Ведомости», «Коммерсантъ», «Независимая газета», в критично настроенных к власти «Новой газете» и «The New Times», в аналитическом журнале «Эксперт». Характеристика «провокация» использовалась в 8% публикаций, чаще других к ней обращались «Комсомольская правда» и «Независимая газета». От общего процентного соотношения данных конфликту определений (40:39:15:6) значительно отличаются показатели лояльной к власти «Российской газеты» (65:24:2:9): здесь доминируют характеристики «беспорядки», минимально упоминается о событиях как протесте, чаще указывается на них как на провокацию.

При определении событий на Манежной площади как столкновений на национальной почве в изданиях межнациональный конфликт нередко приравнивался к межэтническому, национализм — к фашизму. В газете «Московский комсомолец» вопрос о межнациональных отношениях порой подменялся вопросом о мигрантах. При обозначении событий издания использовали эмоционально окрашенные выражения, например, «кровавая бойня», «побоище», «свалка», «бардак». «Новая газета» даже назвала события «гражданской войной».

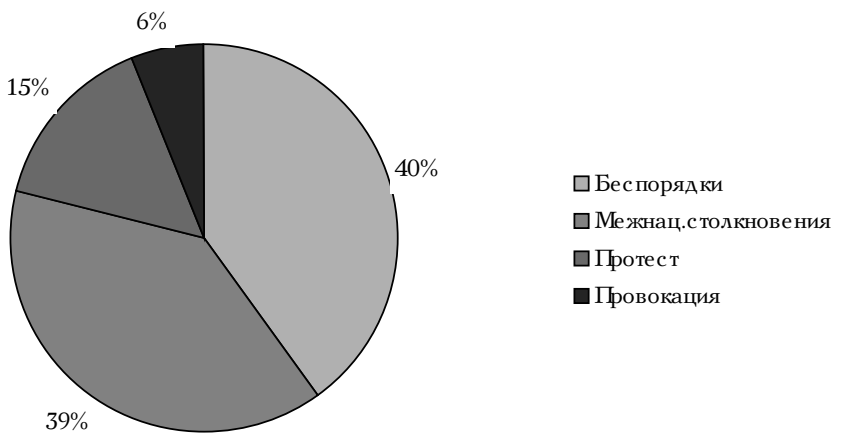

Рис. 3. Соотношение характеристик, данных конфликту (в %)

Авторами материалов, связанных с беспорядками на Манежной площади, выступили главным образом журналисты (см. рис. 4). Об этих столкновениях много писали статусные сотрудники изданий — обозреватели, редакторы отделов политики, в «АиФ», «Независимой газете», «Эксперте» — даже главные редакторы. А вот доля экспертной журналистики (имеется ввиду выступление профессиональных аналитиков в качестве авторов материалов) оказалась невелика: количественный показатель собственно экспертов не превысил 5%. Эксперты как авторы заметны только в трех изданиях: в «Независимой газете» (69% журналистских материалов, 14% экспертных), «Новой газете» (83 и 10%) и «Ведомостях» (90 и 10%). Ни в газеты, ни в журналы в качестве авторов не были приглашены непосредственные участники конфликта на Манежной площади — представители власти, члены сообществ футбольных фанатов, националистических движений и национальных диаспор. При этом авторами публикаций стали деятели культуры, науки и спорта, среди них в основном были писатели, религиозные деятели и обычные граждане (через письма читателей в «АиФ»).

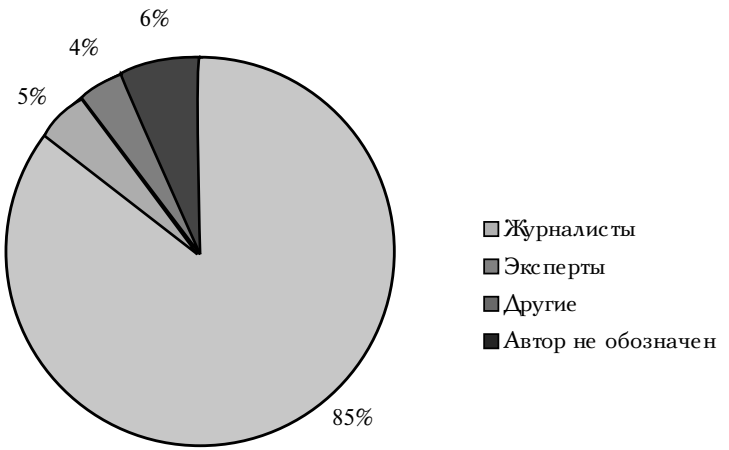

Рис. 4. Соотношение материалов разных типов авторов (в %)

В меньшей степени представлены эксперты среди **комментаторов** беспорядков (см. рис. 5). Эксперты активно на фоне других изданий привлекались в «Ведомостях» (социологи, в основном из «Левада-центра»), «Независимой газете» (чаще всех аналитики Московского центра Карнеги) и «Российской газете» (главным образом специалисты РАН).

В комментировании столкновений доминировали представители власти, из них доля президента Д. Медведева — 21%, премьер-министра В. Путина — 14%, силовиков — 21%. В равной мере взгля-

ды Медведева и Путина на беспорядки отражены в «Ведомостях» и «Независимой газете». В остальных газетах высказывания Медведева преобладали, исключение — «Новая газета». В журналах, кроме «Эксперта», также чаще цитировали президента. Позиция силовиков была представлена прежде всего руководством МВД. Почти все издания указали на ошибку главы министерства Р. Нургалиева, назвавшего националистически настроенную молодежь, которая участвовала в столкновениях, леворадикальной, хотя в действительности она праворадикальная. Не упомянула эту оплошность только «Российская газета». Среди комментаторов доля остальных участников конфликта на Манежной площади значительно меньше, чем представителей власти.

События также комментировали деятели культуры, науки, спорта, религиозные деятели (соотношение представителей православия и ислама было 71 и 29%) и рядовые граждане (через прямую речь в репортажах). Анонимные комментаторы из среды чиновников, фанатов и националистов встречались в «Ведомостях», «Коммерсанте» и «The New Times».

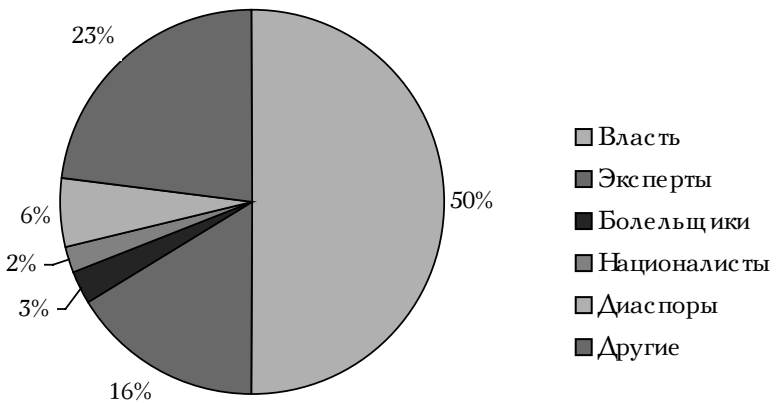

Рис. 5. Соотношение субъектов комментирования конфликтов (кроме журналистов, в %)

По **видам материалов** беспорядкам на Манежной площади посвящены в основном заметки (см. рис. 6). Во всех изданиях были комментарии, в том числе оперативные, опубликованные сразу после столкновений. Аналитических статей вышло больше, чем в других изданиях в «Новой газете» (7 материалов), «Независимой газете» (3), «Российской газете» (3), журналах «Власть» (3) и «Эксперт» (3). Беспорядки освещались также в репортажах, интервью, новостях, зарисовках. Опросы общественного мнения в отношении событий на Манежной площади (их доля 2%) опубликованы с

комментарием в «Ведомостях», «Коммерсанте», «The New Times», без комментария — в «Комсомольской правде». Обсуждений беспорядков, дискуссий по ним в изданиях не было.

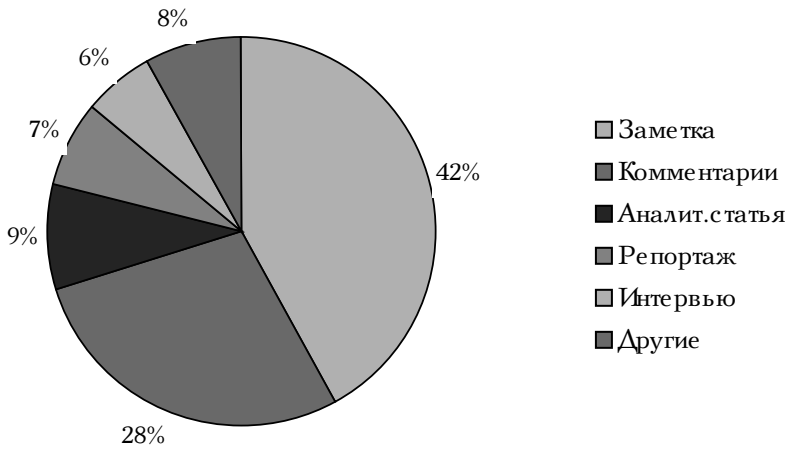

Рис. 6. Соотношение материалов разных видов (в %)

Пик выхода **аналитических материалов** пришелся на конец 2010 — начало 2011 г., что связано не с более глубоким анализом непосредственно событий на Манежной площади, а с подведением итогов года и прогнозами. Среди причин беспорядков чаще всего назывались коррупция во власти, отсутствие молодежной и национальной политики, криминализация диаспор. Столкновения рассматривались почти всеми изданиями в контексте предстоящих федеральных выборов. Например, в «Ведомостях» акцент делался на то, как события на Манежной площади повлияют на взаимоотношения Медведева и Путина, в «Коммерсанте» — на потенциал футбольных болельщиков как политической силы, в «Независимой газете» — на вероятность использования «русского вопроса» в предвыборной кампании. Кроме «Эксперта», все остальные издания прогнозировали рост протестной активности, в особенности со стороны молодежи. Поколенческий подход в освещении беспорядков представили журналы «The New Times» и «Русский репортер».

Раскрывая смыслы

Андрей Липский, заместитель главного редактора «Новой газеты»:

Нужно говорить не о самих событиях, произошедших на Манежной площади, — про это много чего говорили, а о том, что лежит в основе этой «Манежной площади». А в основе нынешних протестов,

которые мы называем «Манежкой», лежит социальная неудовлетворенность.

Главная проблема в том, что у людей, вышедших под стены Кремля, не только нет никаких социальных лифтов, но они даже не знают, что существует такое словосочетание «социальные лифты». Есть ощущение того, что все замерло, что исчезают шансы на нормальное развитие. Эта ужасающая пропасть между населением и властью просто обескураживает. Отсюда возникающее чувство невероятной неудовлетворенности, которое приводит или к повышенному интересу к эмиграции, или к национализму.

И в этом отношении национализм приобретает некую «этноподобную» форму выражения социального протеста. У нас уже были периоды, когда искали крайних и власть пыталась создать какие-то партийные или псевдопартийные структуры националистического окраса. Но это бессмысленно, потому что это не охранительный национализм, а национализм совсем другого рода — протестный. Это крайне опасно, но, похоже, что за «зубцами» далеко не все это понимают.

В то же время мы можем говорить об изменении самого содержания социальности и о появлении циничного лоялизма. Люди, которые ездят на Селигер, не должны представляться только как толпа сумасшедших «дедов морозов», которых свозят автобусами. Среди них есть много карьеристов, которые ввиду отсутствия социальных лифтов просто хотят воспользоваться своим шансом. Но ситуация может измениться в любой момент.

Так называемый циничный лоялизм абсолютно не противоречит Каиру. Есть подсчеты о том, что революции делает 5% населения, а то и меньше. Кто-то дает даже 1,5%. И неправда, что сейчас нет ярких людей, они на самом деле постоянно появляются, только не выходят на системный уровень.

Илья Барабанов, заместитель главного редактора журнала «The New Times»:

Я буквально три дня назад вернулся из Каира, где тридцать лет тоже говорили о социальном равнодушии, о неспособности молодежи что бы то ни было сделать. В октябре там прошли парламентские выборы, на которых местная «Единая Россия» получила порядка 90% голосов. И буквально за три месяца мы стали свидетелями того, как в чем-то похожий по уровню коррумпированности, по уровню бедности населения режим рухнул, как карточный домик. Наиболее любопытно в Египте было наблюдать не за массовыми протестами, показываемыми [телекомпанией] «Аль Джазира» и всеми ведущими мировыми телеканалами, а за тем, как эти молодые люди, это «непонятое» молодое поколение, которому

доверия пока особого нет, в ситуации, когда власть рухнула и государство не выполняет ни одной из своих функций, взяли эту власть на себя. В прямом смысле слова. Как они регулировали движение на городских магистралях, убирали мусор, защищали культурные ценности, коллекцию Египетского музея, понимая, что если они этого не сделают, этого не сделает никто, потому что государства нет. Честно говоря, пока я находился в Каире, я сильно пересмотрел свое отношение к этому «непонятому» поколению. Во-первых, мне кажется, оно *уже может*, что показывает пример адвоката Алексея Навального. Во-вторых, как показал пример Египта, когда дело дойдет до решения реальных задач, это поколение справится, сможет взять ситуацию в свои руки и ничего катастрофичного не произойдет.

Важной характеристикой поколения, которое мы называем «непонятым», «неопознанным» (на Западе его называют «поколением Y»), является то, что 75% представителей этого поколения львиную долю своего времени проводят в Интернете, в два раза меньше, чем их родители, обращаются к телевизору и новости предпочитают черпать из Интернета. Особенно популярна среди них блогосфера, которая, как бы мы к ней ни относились, стала в России площадкой для общего дискурса, возможно, в силу своей удобности и комфортности. Не менее важная характеристика — эти молодые люди, сидящие в Интернете, скорее индивидуалисты. Они избегают партий, стараются избегать движений.

Социолог Лариса Паутова в одном из своих исследований писала, что нынешние молодые люди, сформировавшиеся в последние десять лет, скорее лоялисты и консерваторы. При этом они меньше, чем предыдущее поколение, нацелены на достижение сугубо материального успеха. Бóльшую ценность для них представляет некий комфорт, семья, возможность выезжать за рубеж. Паутова, кстати, в этом не одинока. Знаменитый американский исследователь, демограф, один из основателей теории поколений Нейли Хоув, ссылаясь на материалы коллег из Китая, считает, что в Китае сейчас было бы невозможно повторение площади Тяньаньмэнь, потому что новое поколение китайцев, пришедшее на смену старому, менее настроено на революции и радикальные перемены. Они критичны по отношению к режиму, но их желания сводятся скорее к тому, чтобы каким-то образом скорректировать имеющийся курс. Они готовы поддержать правителя, политика, который без радикальных перемен каким-то образом поменяет общую политику. И социологи из «Левада-Центра» считают, что среди нынешнего молодого поколения беспрецедентно высока доля тех, кто готов поддерживать «Единую Россию» и Владимира Владимировича Путина лично.

Но, как показывает практика, эти слова скорее пустая декларация, чем реальность. Опыт выборов в Магадане, Костроме и Новосибирске, где местные партфункционеры делали максимум для того, чтобы привлечь молодежь на избирательные участки, показывает, что именно в этих областях итоговый результат партии власти был значительно ниже, чем в среднем по стране, т.е. молодые люди готовы публично заявить о своей лояльности и якобы поддержке партии власти, но на деле, когда оказываются один на один с бюллетенем, либо портят его, либо голосуют за кого-то еще, либо уносят бюллетень с собой.

Сергей Шаргунов, писатель:

Я считаю, что поколение двадцатилетних — это поколение «уютное», это поколение людей, которые вполне комфортно ощущают себя в реальности, это поколение корпораций и корпоративной этики. И, в данном случае, пребывание в социальных сетях очень показательно. Ведь правильно было сказано Ильей Барабановым, что информация черпается не только из телевидения, но и из Интернета. Но если мы пойдем дальше и спросим себя, а на каких ресурсах, а насколько глубоко они «влезают» в эту информацию, обнаружится — то, что они получают, ничем не отличается от контента программы «Время». По преимуществу молодое поколение не заинтересовано во фрондерстве, в острой или противоречивой информации. Они вполне довольствуются теми вывесками, которые получают на сайте www.mail.ru. Поэтому в данном случае, говорить о том, что, пребывая в Интернете, они немедленно принимаются выпускать критические тексты, нельзя.

Хотя и здесь все немножко сложнее. Действительно, основная масса двадцатилетнего поколения не согласна ни на какой протест, но ведь есть еще одна тонкая вещь — такая, как «конформизм протеста» для поколения двадцатилетних (боюсь, что это свойственно и многим студентам факультета журналистики). Им присуща инерция. Вот, например: есть «Новая газета», «New Times», нам объяснили, что это правильно. Мы сейчас устроим такой «хеппининг», толпой сходим на какое-нибудь мероприятие, разойдемся, но не будем пытаться осмысливать происходящее. Мы лишены желания как-то анализировать и бывшее 10 лет назад, и происходящее сегодня, и то, что будет дальше, т.е. это не оппозиционность, а тоже своего рода мода. Это привычка ходить толпой. Отсюда, наверное, такая «хипстерская» субкультура. Это небольшая группа, но это тоже часть поколения. Молодые люди, сидящие в кафе «Маяк», «Жан-Жак», «Джон Донн». Они листают журнал «Большой город» и между собой судачат о процессе МБХ и об избиении

журналиста [ИД «Коммерсант» Олега] Кашина. Но если завтра Кашин в своем ЖЖ или на Facebook напишет некую вольнодумную мысль, они выстроятся такой линеечкой осуждающих! Но у них не будет аргументов, просто так положено.

Однако есть другой вариант — Селигер. Селигер — это, конечно, наиболее массовая история корпоративности, отсутствия рассуждения. Но проблема в том, что и то и другое зеркально. Мне кажется, это ребята, которые хотят уютно устроиться. Были опросы и на вопрос: «Кем ты хочешь быть?» следовал ответ: «Менеджером Газпрома».

И это, как видится мне, очень коллективистское поколение. У него нет желания создать свою газету, запустить свой процесс, и в этом же «Газпроме» вырваться куда-то повыше. Нет, лучше затеряться. Хочется получать свои дивиденды, иметь сладкие крохи, хочется иметь прибыльное место, но в числе прочих.

Это поколение может стоять в футболках официозного движения, свезенного из разных городков, это поколение в лице более элитарных и обеспеченных ребят может сидеть в кафе за углом, они могут говорить диаметрально противоположные вещи, но и там и там я вижу очень мало личностей.

Владимир Петухов, руководитель Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН:

Если говорить о реакции российских медиа на «Манежку», то, как мне кажется, большинство СМИ заняли достаточно взвешенную позицию, не торопясь цеплять ярлыки на тех, кто там собрался, поскольку природу и суть хода подобных явлений выявить и интерпретировать очень сложно. Фактически это был стихийный бунт, не имевший отчетливо выраженной идеологической окраски. То, что произошло, это крик безъязыкой толпы, которая кричит: мы есть, мы живые; обратите на нас хоть какое-то внимание. Это классическое повторение Кондопоги, только в большем масштабе, когда бунт становится единственным способом докричаться до властей. Это явление надо изучать.

Понять, чем живет молодежь, к чему она стремится, можно, если рассматривать ее в контексте того времени, в котором она живет. Поколения если и отличаются друг от друга, то именно тем, что им приходится сталкиваться с иной реальностью, разными угрозами и вызовами, которые им вместе со страной приходится преодолевать. Поколение «нулевых» в этом отношении имеет свою специфику, связанную с тем, что на его долю не пришлось никаких серьезных испытаний. Именно поэтому оно выглядит достаточно безликим — поколением «повседневности».

Поколению «нулевых» еще не пришлось столкнулось с какими-то значимыми событиями в жизни страны. У них нет ощущения приобщения к великому или трагическому. Такой опыт имели все предшествующие поколения, и он всегда сопровождался выбросом огромной жизненной энергии (не всегда, правда, позитивной), существенными переменами в их жизни и жизни страны. Сегодня ничего подобного нет.

Новое поколение входит в жизнь во времена краха политики с «большой буквы», как ее называл известный английский социолог Зигмунд Бауман: Речь идет об условиях демонтажа большинства политических институтов и ухода большей части населения в частную жизнь. Политика постепенно вытесняется индустрией развлечений. Мировоззренческие установки сегодня формируются не политическими институтами, тем более традиционными, а в большей степени носителями массовой культуры. Но, с другой стороны, в последнее время появляются симптомы, свидетельствующие о том, что политика начинает появляться оттуда, откуда ее не ждали. Она прорастает через всевозможные субкультуры, например через Интернет и музыку. Есть тенденция политизации части культурного ландшафта. Известные блогеры, журналисты, писатели, музыканты, все чаще высказываются не только на профессиональные, но и на общеполитические темы. И благодаря этому политика каким-то образом возвращается, начинает формировать мировоззрение и интересы, пока, правда, лишь думающей части молодежи.

Буквально за последние год-полтора выросло напряжение в самом обществе, когда межличностные и межгрупповые конфликты возникают буквально на пустом месте и без особой мотивации. Исследования показывают, что на сегодняшний день главная опасность — стихийный, немотивированный и практически никак идеологически не окрашенный экстремизм. Поэтому очень трудно зафиксировать социальную базу радикальных движений. Например, значительная часть футбольных фанатов — это отнюдь не «пэтэушники с окраин», а вполне респектабельные молодые люди, тот самый «офисный планктон», о котором в последнее время много говорят. Крайне сложно найти мотивации их действий. Конечно, этнические мотивы присутствуют, однако определяющим все же является невозможность канализировать накапливающееся недовольство, да и просто энергию молодости в какие-то законные легитимные формы, как-то заявить о себе.

Многим молодым людям трудно найти себя в жизни. Труднее, чем было нам, которые могли лет до 25 бить баклуши, читать книжки и ходить в кино, зная, что в Советском Союзе нет безработицы и что мы так или иначе сможем себя реализовать. Сейчас

им нужно думать о своем будущем чуть ли не с окончания начальной школы. Возникает диссонанс, когда человек очень серьезно относится к своему будущему — старается, учится, получает красный диплом, учит языки. А потом, приходя на работу, он понимает, что это все никому на самом деле не нужно и что карьеру делают люди с совершенно иными качествами.

Плюс особенности корпоративной культуры, сложившейся во многих российских компаниях, где культивируется беспрекословное подчинение начальству, жесткая регламентация поведения сотрудников, система штрафов за малейшее отклонение от этих регламентов, доносительство и т.п. Все это, безусловно, унижает человеческое достоинство, вызывает недовольство, а иногда и открытый протест, выплескиваемый либо на футбольных стадионах, либо в массовых драках. В этих условиях многим молодым людям приходится делать нелегкий выбор, определяя, что для них важнее: играть по правилам, которые определены для них «свыше», либо рассчитывать на себя и свои силы без особых гарантий на быстрый успех и материальное преуспевание. Как и следовало ожидать, большинство выбирает первое.

Сергей Туманов, профессор, заместитель директора Института комплексных исследований образования МГУ:

Очень хочется обнаружить в нашем Отечестве такое поколение, с которым можно связать надежды на то, что оно исправит наделанные нами ошибки. На рубеже XIX—XX вв. мысль о необходимости смены общественного строя рождалась не в рабочих казармах и не в крестьянских хатах. Вопросом «Что делать?» задавались в первую очередь молодые представители господствующего класса. Это похоже на наше время. Хотелось бы надеяться, что часть молодого поколения, которая никогда не знала нужды и связанных с нею комплексов, будет думать свободно и действовать рационально.

Поколение молодых столетней давности, по признанию его лучших представителей, сформировалось во многом под влиянием замечательной плеяды мыслителей своего времени. А вот сегодня, пожалуй, кроме Александра Солженицына, очевидного морального авторитета в нашем обществе и назвать никого нельзя, хотя потребность в таких авторитетах очень велика. Достаточно вспомнить, что стоило лидеру группы «ДДТ» Юрию Шевчуку задать нелицеприятный вопрос премьер-министру Владимиру Путину не в блоге, а лично, как он сразу стал на голову выше тех, кто сегодня претендует вот на такую роль авторитета в обществе.

Сегодня существуют новые молодые, но нового поколения сегодня нет. По сути дела, ему и взяться-то неоткуда. И в этом плане

я не идеализировал бы Интернет. Мы привели два исследования в рамках международных проектов: одно в 2001 и одно в 2010 г., которые позволяют посмотреть динамику в отношении «смысложизненных», политических ценностей и населения страны в целом, и молодежи в частности. Существенной разницы в ценностных ориентациях между молодежью и населением страны десять лет тому назад не было, как и сегодня. Поэтому термин застоя в значительной степени оправдан. Говорю именно о смысложизненных и политических ценностях. Чтобы не быть голословным, приведу цифры. **Свобода**: считали, что они могут думать и говорить свободно десять лет назад, 83% населения (89% молодежи), сейчас — 85% населения и те же самые 89% молодежи. **Демократия:** считали ее лучшей формой правления десять лет назад 54% населения (66% молодежи); сейчас 56% населения и 59% молодежи. Молодое поколение, найдя демократию как данность, относится к ней более скептично, чем предшествующее поколение молодых. Наблюдается неудовлетворенность тем, как развивается демократия в стране, но она сегодня ниже, чем десять лет тому назад среди населения в целом и среди молодежи. Есть косвенный показатель, который позволяет судить о том же самом. **Вот декларация готовности участвовать в выборах**. Десять лет назад 78% страны декларировало готовность участвовать в выборах (66% молодежи), сегодня 65% населения и 57% молодежи. Вот здесь спад очень существенен. **Интерес к политике**: 51% народа и 47% молодежи десять лет назад, сегодня 40 и 36 процентов соответственно. Весьма существенно, т.е. сегодня молодежь — это наименее политизированная часть общества, которая и так не очень интересуется политикой.

Очень важный фактор для понимания молодежи — это самостоятельность. Есть широко используемый международный индикатор: «события моей жизни часто определяются вещами, на которые я не могу повлиять». Вот с этим пессимистическим выводом сегодня соглашается 52% населения страны и 45% молодежи.

Хотел бы к своей ложке дегтя добавить одну капельку меда. Факторный анализ результатов опросов 2001 и 2010 гг. показывает: что в 2001 г. в массовом сознании было шесть очевидных сюжетов, очень хорошо знакомых тем, кто занимался исследованиями в тот период. Это материальное положение семьи, психологический дискомфорт, связанный с проблемой адаптации к новому строю, проблема здоровья, проблема тех ниш, в которые можно спрятаться от этого агрессивного мира, — семья, друзья и так далее, проблема личной безопасности и социальной защищенности, понимаемая в широком смысле, — безработица, здравоохранение, пенсии и так далее. Вот сейчас самым осознаваемым в этом плане является тема

доверия к органам власти и вообще к государству. Это то интересное новое, что нам удалось обнаружить.

Елена Лукьянова, профессор юридического факультета МГУ, член Общественной палаты РФ:

Я не согласна с тем, что молодому поколению труднее, чем нам, потому что мы должны были жить в двух реальностях, «кухонной» и официальной. Мы на этом окрепли, а они имеют возможность полностью уйти от официальной версии — уйти в Интернет и не выходить из дома. Им трудно ровно настолько, насколько бывает трудно любой молодежи в любой период развития общества, потому что молодые люди менее компромиссны, они еще не знают промежуточных цветов между белым и черным, у них еще нет достаточного опыта. Я не согласна с тем, что фанаты — это футбольные хулиганы, даже если они банковские служащие. Мы проводили специальное исследование и оказалось, что существует совершенно невероятный пласт высокообразованных и очень стабильных людей. Это скорее технари с высшим образованием, высокоинтеллектуальные, сильно законспирированные — мы не могли взять интервью ни у одного из серьезных фанатов, потому что они без маски не придут ни в одну студию. Это реальная и очень большая сила. Я не согласна с тем, что это поколение менее политизировано, потому что как юрист я сразу задаю вопрос: что вы понимаете под политикой? Ведь изменилась сама дефиниция политики. На то, что делает тандем, им глубоко наплевать, они считают политикой совершенно другие процессы. Поэтому я бы не стала говорить, что они менее политизированы, равно как и социально пассивны, потому что опять же — с какой точки зрения рассматривать социальную активность? Деятельность в политических партиях, которые во всем мире сейчас уходят от своего стандарта XX в.? Сегодня отношение к ним полностью пересматривается — это не более чем традиционное объединение, предполагающее политическое «рабство» для своих членов. В политические партии они [представители молодого поколения] не пойдут, просто побрезгуют. Не факт, что пойдут они даже в новые партии, которые образуются, — им интереснее какое-то новое объединение, которое официально не избирается. Меняется активность, меняются ее критерии: в России меняется само понятие «гражданское общество», ставится вопрос, в чем измерять активность человека в обществе? Не было бы счастья, да несчастье помогло: в тот момент, когда государство действительно перестало исполнять свои функции и фактически произошло разложение традиционных государственных инструментов, гражданское общество начало работать не потому, что оно это осознало, а потому, что возникла такая необходимость — иначе стало

невозможно жить. Надо самим ловить преступников, самим тушить пожары, самим делать все остальное. Это все произошло естественным путем, в этом им [представителям молодого поколения] повезло. И показатель здесь как раз — проект «РосПил» [адвоката] Алексея Навального. Они [власть] не могут бороться с коррупцией, а нам это грозит не только разрушением государства, а разрушением общества, мы против этого, мы будем помогать. Навальный попал в точку.

Мне кажется, что с точки зрения оценки поколений произошло нечто, чего мы раньше не видели. Произошло расслоение поколений. У нас есть часть старшего поколения, ушедшая за молодежью, с которой мне, например, комфортно. У ребят, безусловно, есть лицо. Они менее компромиссны, они более адекватно все воспринимают, умеют думать. Они разные, и их «разность» сейчас зависит, наверное, от толщины той «подстилочки», которая им обеспечена от рождения. Те, у кого эта «подстилочка» тоньше, очень много учатся, быстро набирают, они старше, активнее. Те, у кого «подстилочка» толще, демонстрируют чудовищный инфантилизм, и это так видно по студентам! Они не умеют учиться, они не умеют себя делать, они вообще не понимают, чего они хотят в жизни. Их взросление произойдет годам к тридцати, они очень сильно отстанут. Причем им ничего не поможет — ни мамины, ни папины рабочие места, потому что и там они будут проигрывать по результату. Те, первые, безумно обучаемы, им все интересно читать, знать.

Относительно той части, которая сидит дома и не вылезает из Интернета: может быть, это тоже часть комплекса? Они боятся высунуться во внешний мир, потому что здесь они конкурентоспособны, а там — боятся, что не станут таковыми.

Алексей Макаркин, первый вице-президент Центра политических технологий:

Советский человек мог самовыразиться на кухне, в туристическом походе. Сейчас не надо никуда ехать, никуда идти, есть Интернет, и там можно самовыразиться. Там можно стать и полковником ФСБ (удостоверение не проверят), можно стать профессором (опять-таки, для этого не надо писать никакие работы). Это мировая практика. Года три назад «поймали» на лжи молодого человека — автора «Википедии», который представлялся профессором Католического университета, а оказался студентом. Кстати, к тем правкам, которые он делал в «Википедии», особых претензий не было. На уровне компилятора он был вполне неплох.

Карьерные возможности пока есть. Я вижу молодых людей из провинции, которые приехали в столицу, зацепились за нее и растут. Мы, сорокалетние, до высокого уровня их не пускаем, но до руко-

водителя департамента — почему нет? Открываются определенные возможности. Другой момент: я помню, когда я сам учился, это были 1990-е гг., у нас был профессор политической экономии, очень демократический человек. Ну, тогда понятно: демократия, Б.Н. Ельцин, у нас ректор-демократ Афанасьев, сплошные дискуссии, лекции превращались в политические обсуждения. Однажды профессор замечает, что один человек сидит в углу и индифферентно смотрит. Спрашивает: «А какая позиция у вас?» Тот отвечает: «А что это даст мне?» Наверное, сейчас эта точка зрения (тогда — совершенно маргинальная), такой жизненный прагматизм имеет доминирующий характер.

У молодежи появилось чуть-чуть больше времени, чем у предшествующего поколения. У меня один однокурсник пытался быть риелтором, работал продавцом, потом сделал очень неплохую карьеру и в настоящее время является начальником представительства одной крупной иностранной фирмы. Еще один приторговывал шкатулками на Арбате. Брались за все: вопрос не стоял об особой разборчивости. Сейчас ребята имеют возможность больше подрабатывать в тех сферах, которые близки им, они имеют возможность выбирать.

Что же дальше?

Сергей Шаргунов, писатель:

Есть такое ощущение, что те, кто сегодня еще подростки, особенно те, кому сегодня 5 лет, как моему сыну, 10 лет — это поколение гораздо менее управляемое, гораздо более бурное, но посмотрим что будет. У меня есть такая несколько странная концепция, связанная с тем, что внук, как правило, наследует деду. Можно даже отечественную историю каким-то образом разлиновать, и увидеть, что один период перекликается с другим.

Владимир Петухов, руководитель Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН:

России для того, чтобы стать по-настоящему современной страной, необходим статистически значимый слой молодежи, ориентированной в своих жизненных практиках на ценности самовыражения. И есть все основания полагать, что их количество в ближайшие годы будет расти.

Сергей Туманов, профессор, заместитель директора Института комплексных исследований образования МГУ:

Конечно, можно надеяться, что будет расти количество людей, ориентированных на самореализацию вопреки государственной

политике, особенно в области образования и здравоохранения, но, честно говоря, надежды на то, что это будет происходить массово, у меня нет.

Алексей Макаркин, первый вице-президент Центра политических технологий:

К вопросу о двух уровнях, двоемыслии. Произойдет ли такая ситуация, когда в полной мере проявится второй уровень, связанный пока с самовыражением, с Интернетом, сейчас достаточно безопасный? Сейчас люди, связанные с коррупцией, например, работники крупных фирм, могут зайти в Интернет, самовыразиться, высказать протест, и их начальство об этом никогда не узнает. Опять двойное дно. Вот когда оно проявится публично, сказать сложно. Но на каких-то этапах истории — это известно из социальной психологии — людей охватывает желание карнавала, желание сменить парадигму. Во Франции это было в 1968 г., когда люди устали от скучной регламентированной жизни, когда все понятно, все просчитываемо: ты заканчиваешь университет, где преподают вещи, с которыми ты часто не согласен, но как конформист ты должен с ними соглашаться, затем ты идешь в фирму, делаешь карьеру. На каком-то этапе это благополучие исчерпывается. Этот второй уровень, двойное дно выходит наружу. Когда это произойдет у нас и с чем это будет связано — на это могут быть самые разные точки зрения, иногда даже смешные на первый взгляд. Но то внутреннее раздражение, которое проявляется сейчас в Интернете, через некоторое время вполне может оказаться и на улице. И вопрос в том, насколько власть, оппозиция, люди, принимающие решения, окажутся к этому подготовлены, потому что такие события происходят совершенно неожиданно для всех.

Вопрос «Что дальше?», актуализированный «Манежкой» как событием, отразившим глубину проблемности современных российских реалий, относится и к современной журналистике. Ответить на него вряд ли возьмутся даже крепкие профессионалы, умеющие задавать правильные вопросы, — прогнозы состояния публичных институтов пока еще давать сложно. Но вот в том, что расшифровать реальность возможно только в сотрудничестве с экспертным сообществом, сомнений нет.

Поступила в редакцию
05.05.2011